

Александр Владимирович Коврига –

кандидат экономических наук, директор
Центра междисциплинарного
прогнозирования общественного развития
Харьковского национального университета
имени В.Н. Каразина

Глобальный кризис и переустройство государственного дела: **вспомним камерализм?**

В современном мире полномасштабный суверенитет, значимые цивилизационные инициативы и, естественно, государственная политика импортозамещения возможны лишь при условии мировоззренческой, идеологической самостоятельности. Прежде всего в понимании мировой истории и в производстве знаний о государстве, мировом и общественном развитии. Знание о реальном институциональном устройстве и динамике общественных систем, государств и «мирового целого» становится всё более сложным. Со времен построения регулярного европейского государства знание о его действительном устройстве имеет стратегический, по сути, тайный характер.

Есть все основания предполагать, что мир вошел в состояние бифуркации, приближаясь к началу нового многосотлетнего цикла, в котором евроатлантичность власти и миропорядка уже не просто подвергается основательной критике и делегитимации, но утрачивает свою абсолютную роль. Совершенно особое место в этих процессах будет занимать Россия – как в полной мере испытавшая на себе практически весь спектр культурного и тектологического влияния со стороны «Большого Запада» и Евроатлантики, но в то же время еще сохранившая ряд принципиальных характеристик суверенной цивилизационности и государственности. Наряду с передовой мыслью, вместе с обладанием технологией ее вопло-

щения суверенность и способность народа участвовать в мировой истории связаны прежде всего с постановкой практики общественных образовательных процессов — с общенародным извлечением уроков истории. Народ, не удерживающий канвы своего цивилизационного развития, может быть сбит с пути. Презрение к истории не остается безнаказанным. Мы вошли в эпоху, когда история будет столь же важна для мира и государственного дела, его спасения и общественного развития, как были важны для него естественные науки с начала XVII и до XX века включительно. Действительно благочинные, прагматичные и ответственные действия теперь еще более будут связаны с переосмыслением, переживанием заново и переусвоением множества уроков мировой и отечественной истории.

В условиях уже развернувшихся и грядущих тектонических трансформаций мироэкономики и геополитики чрезвычайно важно осознание способа, которым в современном мире и в России было конституировано «регулярное государство», государственное дело. Важно различение цивилизационных и институциональных стратегий построения государственности в странах современного трансатлантического ядра и в континентальной Европе. Без этого невозможно суверенное развитие.

Мы полагаем, что одной из центральных задач в этом деле должно стать осознание действующего наследия и исторических уроков камерализма. Забегая вперед, отметим, что понимание того, что породил камерализм как система государственностроительных практик и соответствующих стратегий домонопредметного и донаучного производства знаний,

Один из ведущих американских идеологов Уолтер Рассел Мид (на фото) в своем исследовании 400-летней истории победоносной борьбы англофонных сил с историческими соперниками и врагами показывает, как надо понимать англо-американоцентричную капиталистическую динамику развития мира, где «капитализм предстает как социальная и экономическая сила, действующая в истории универсально: она рассекает культурные и цивилизационные границы, налагает свою логику и реальность на людей повсеместно, независимо от того, что они думают или желают».

может быть ключом к выявлению оснований и разгадки ряда наиболее сложных и скрытых моментов в организации современного мирового порядка, его основных кризисных тенденций, конфликтов и напряжений.

В результате доминирования в последние 150 лет научнодисциплинарной, монопредметной организации производство знаний о процессах развития и мировой истории превращено в «предметные ряды» и тоннельные представления. Реконструкция традиции камерализма как практики государственного дела до эпохи доминирования научного подхода и позитивизма может позволить преодолеть эти ограничения историчности и монодисциплинарности.

Глобальный цивилизационный кризис и государственное дело

Судьба суверенного государства как основного и исключительного агента, а также условия развития — сегодня едва ли не главный вопрос мировой повестки. Роль государства неизмеримо возрастает в связи с исключительной важностью переустройства содержания, форм и методов геополитического контроля в рамках формирующегося миропорядка и в ходе посткризисной промышленной и экономической реорганизации планеты. Перед лицом глобальных рисков, присущих исключительно сложной и в равной степени хрупкой сети экономической, культурной

Созданы экстремальные условия для всех типов гуманитарных практик, науки, промышленности и общественного развития в целом: при всех оговорках, в центр российского мироздания поставлен «успешный человек» – стяжающий прибыль и личную выгоду эгокультурный и эгоцентричный *homo oeconomicus*.

и политической взаимозависимости современного мира, государство вновь должно будет сыграть роль *катехона*. При этом переустройстве и обновлении самого государственного дела и суверенной государственности – в их отношении к глобальной экономике, геополитике, культуре и цивилизационному развитию – неминуемы. *Status quo* уже не удержать. Наряду со стихией глобального финансово-экономиче-

ского кризиса нашу эпоху определяет кризис геочивилизационный, смена всей топологии и геополитического измерения мирового развития. Если политика решает вопросы организации жизни человеческих сообществ в рамках определенной цели и мировоззрения, то фундаментальный компонент политики, естественно исходящий из территориальности человеческих сообществ, – это геополитика. С древнегреческих времен до-

мом – *oikos* – для человека является Земля – *geo*, отсюда и геополитика. Поэтому экономическое – *oikonomia*, – государственно-геополитическое и геочивилизационное измерения трансформации миропорядка являются неразделимыми проблемами.

Сохранится ли суверенное национальное государство как институт? Или транснациональный класс, надгосударственные группы интересов окончательно подорвут не только культурно-исторические основания и все политико-экономические условия его существования и развития? Это острейший вопрос мировой повестки дня ближайшего десятилетия.

Завершающие десятилетия XX века доминирующей была западноцентричная англосаксонская ноополитика – политика представлений о мире и способах его восприятия – как самая технологично изощренная, подкрепленная силовым интеллектуально-военно-промышленно-финансовым потенциалом. Глобальная индустрия управления представлениями (ГИУП) – *global perception management industry*, – построенная трансатлантическим миром на протяжении нескольких веков и наиболее интенсивно в ходе холодной войны, проецирует на весь мир абсолютно идеализированное представление о «рыночной демократии», «свободном предпринимательстве» и «рыночной экономике».

В эту эпоху большинство современных практик и систем производства знаний не только опираются на «предсказания» и специально вменяемые представления-верования о мире, но вынужденно пребывают в зависимости от целого ряда стратегических мифов. Чтобы вырваться из этой клетки исторической предрешенности и фатализма, необходимо не только осо-

знать ее наличие, но и понять, как она устроена. Для совершения какого-либо действия необходимо выйти за границу этих индустриально вмняемых представлений, увидеть когнитивные сети, стреноживающие проектоспособность, суверенность и право на историческое творчество и развитие.

Кризис знания о государстве, как и общемировой цивилизационный кризис, впрямую обусловлены еще и тем, что наука «о рынках» стала доминантной, вытеснила все представления о мире, заменила собою науку об обществе и развитии. Среди прочего в своих принципиальных и фундаментальных моментах данная ситуация связана с вытеснением камерализма в последние 200 лет либеральной организацией общества и экономики. В рамках установки глобального капитала на увеличение прибыли национальные государства трактуются главными источниками непродуцируемых издержек — транзакционных расходов, — в стратегическом плане они подлежат ослаблению или полному устранению. Государства создают «суверенные риски», регуляторные разрывы на границах, мешают глобальному регулированию и глобальной деятельности финансового и промышленного капитала. Принято считать, что недостатки работы глобальной финансово-инвестиционной и экономической системы напрямую связаны с этими транзакционными расходами. Хрестоматийным примером здесь является современная история Европейского союза, события вокруг Греции. В ответ на глобальный кризис трансатлантический мир наметил следующий сценарий: ведущие корпорации США и ЕС продвигают замысел нового мирового экономического порядка, ликвидации

государственных «конституционных преград» для более свободной торговли, расширения рынков. В этом и состоит основной смысл и задачи проекта Трансатлантического торгового и инвестиционного партнерства (ТТИП) Евросоюза и США. В июле 2015 года Европейский парламент уже принял резолюцию-рекомендацию о продвижении к соглашению о ТТИП. По замыслу, учреждение ТТИП ликвидирует «барьеры» для коммерции не только в Евроатлантике, но также и во всём мире. То есть демонтаж государств определен в качестве центральной задачи. Вслед за согласованиями на Давосском форуме в 2012 году «Рабочая группа высокого уровня для Генерального директората ЕС по отношениям США–ЕС» рекомендовала преодолеть, наконец, иллюзию о возможности национальных суверенитетов в Евросоюзе. В XXI веке евро-американское Трансатлантическое партнерство должно выступить трамплином для новых норм и правил всего мирового управления во всех сферах. Согласно плану-прогнозу Жака Аттали, самое позднее в 2050 году должна быть развернута окончательная деконструкция государств, «капитализм придет к своему пределу: уничтожит всё, что ему не принадлежит. Он превратит мир в огромный рынок, судьба которого не будет связана с судьбой наций и который будет свободен от требований и ограничений «сердца»». Как и в 1919-м, начале 1940-х и 1970-х, этот план построения нового мирового порядка основан на фундаментальных «метатеоретических допущениях» о мировых истории и развитии, мировой цивилизационной иерархии, предназначении и роли государств.

Игра вокруг трактовки сути и содержания государственно-

сти и государственного дела на усиление или ослабление государств, их мощи и деятельного потенциала — непрерывный процесс европейской и мировой истории.

С получением к середине XVII века Северо-Западной Европы относительных структурных преимуществ и развитием сильного государственного механизма работа по выделению мировой периферии, где государственный механизм ослаблялся, стала едва ли не ключевым фактором. Как только образовалась разница в силе государственных машин, в действие вступил неравный обмен, навязываемый сильными государствами слабым. С того времени евро-атлантический капитализм использует не только присвоение прибавочной стоимости, производимой в пределах национальных экономик ядра, но за счет структурных преимуществ и сильного государства — и присвоение прибавочной стоимости, производимой в мироэкономике в целом. В этом и состоит политэкономический смысл политики глобализации и соответствующих изменений государственного дела.

Мифология и базовые «метатеоретические допущения» Запада основываются на представлении об уникальном характере и превосходстве западной цивилизации над неевропейскими народами. Данная «идеология» является ядром исторического сознания Западной Европы и созданных европейскими колонизаторами государств Содружества и США. В форме ли превосходства христианства, демократии, отношений свободного рынка, прав собственности и прав человека — она используется для оправдания западного доминирования. Идея западного превосходства широко распространилась среди всех неевропейских народов.

Антон Ханак. Последний человек

В этом мире, где большие вопросы решены, а геополитика может быть подчинена экономике, теперь уже всё человечество будет выглядеть как нигилистический «последний человек», описанный Фридрихом Ницше: самовлюбленный потребитель, предел мечтаний которого – следующая поездка в торговый центр.

Важнейшим условием усиления этой мифологии оказалась гибель СССР и трансформация постсоветского мира и ассоциированных с ним стран. С этого времени предполагается, что история закончилась. Теперь главный приоритет для Соединенных Штатов и Запада в целом — упрочение и продвижение либерального мирового порядка. В соответствии с «объективными» итогами холодной войны, чтобы выжить, государства должны принять принципы либерального капитализма, стать похожими на Запад. Один из ведущих американских идеологов Уолтер Рассел Мид в своем исследовании

400-летней истории победоносной борьбы англофонных сил с историческими соперниками и врагами — Испанией, Францией, коммунизмом, «Аль-Каидой» — показывает, как надо понимать англо-американоцентричную капиталистическую динамику развития мира, где «капитализм предстает как социальная и экономическая сила, действующая в истории универсально: она рассекает культурные и цивилизационные границы, налагает свою логику и реальность на людей повсеместно, независимо от того, что они думают или желают. Это означает, что как только одна страна или часть

мира по-серьезному встают на капиталистический путь, все другие должны или поспевать за технологическим, экономическим и социальным развитием мировых капиталистических лидеров, или утратить способность контролировать свою судьбу, поскольку власть утекает быстро и неотразимо к тем, кто способен совладать с новой динамикой». Более того, отношения эти носят тотальный и принудительный характер, «культура, которой не нравится капитализм или если она не очень подготовлена, чтобы играть в нем какую-то особую игру, будет всё менее и менее довольна тем путем, которым идет мир. Странам, которые не любят англосаксонский капитализм и англосаксонскую культуру, не будет нравиться и мировой порядок, в котором доминируют англосаксонская сила и англосаксонские ценности. Они также останутся позади, будучи неспособными освоить новые технологии или развить новые промышленности и компании, могущие приобрести выгоды в этой глобальной системе. Они будут становиться всё беднее и слабее в сравнении с культурами, которые лучше приспособлены для этой конкретной игры. Всё это приведет к тому, что они еще менее будут любить капитализм, и сделает их еще менее способными играть в эту игру. Странам ужасно легко впасть в этот цикл отчуждения и падения». По мнению этого автора, эгокультура и отношения тотальной конкуренции, взращенные в англосаксонской системе, должны теперь стать лейтмотивом организации жизни и власти в мировом масштабе: «Способность конкурировать в формирующейся капиталистической рамке является наиболее важной силой в глобальном распределении власти и богатства. Поскольку культура так

важна для формирования индивидуальных устремлений и представлений, от которых зависят страсть и способность к капиталистической конкуренции, сама задача продвижения капитализма делает культуру еще более сильным фактором в определении глобальной структуры власти».

Поэтому в ближайшие десятилетия вопросы государственности и стратегии построения государственного дела, политики импортозамещения будут ключевыми для всех стран, стремящихся к обретению суверенности. Для постсоветского мира импортозамещение на уровне технологий, товаров и продуктов потребления, образа жизни и ценностных ориентаций станет возможным только тогда, когда произойдет избавление от импортных мировоззрений и концепций построения общества и государства.

Глобальный кризис и государственное дело России

За прошедшие века симбиотического взаимодействия и совместной с Западом эволюции евроцентризм прочно занял в России место основной историософской доктрины. Более того, прошедшая четверть века впервые в истории России и постсоветского мира проходила под знаком цивилизационной вторичности, идеологии возврата в «подлинную историю» и «воссоединения» с евро-атлантическим «цивилизованным» миром. Отказ от якобы неэффективных общественных и государственных порядков сопровождался и забвением понимания источников государственности и своей цивилизационной программы. Постсоветский мир всеми своими ресурсами был включен в воспроизводство глобальной евроатлантицентричной матрицы власти как несущей миру

универсальные и цивилизационно превосходящие «западные ценности», соответствующие политические, экономические, социальные и культурные порядки.

Такого рода представления доминируют даже среди философской общественности: «<...> именно Запад начиная с XVII столетия и Петра I выступает для российского хозяйства и экономики “зоной ближайшего развития”, чтобы там, преследуя корыстные интересы, время от времени ни утверждали наши правители и

Эндрю Кимбрелл (на фото), директор Американского фонда исследований экономических тенденций: «<...> всё более и более американцев продают себя: свою кровь, сперму, яйцеклетки и даже новорожденных. Всё более и более исследователи и корпорации формируют рынки человеческих “продуктов”, включая органы, части внутриутробных плодов, ткани, клетки и гены. Эскалация цен создала настоящий бум на рынке человеческих тел».

элиты. В частности, потому что Россия включена в мировую экономическую систему и участвует в жизни Европы и других стран мира (туризм, торговля, культурный обмен, совместные проекты и прочее). Да, ассимиляция западных технологий и представлений в России происходит по “принципу маятника” (то шаг вперед, то назад), и все-таки, пусть медленно, пусть с колебаниями, но мы усваиваем и осваиваем западный опыт. Достаточно указать на такие всем известные примеры, как создание российских университетов, науки, промышленности, учреждений здравоохранения. Все эти институты первоначально сложились на Западе и затем с большими усилиями и издержками были привиты на русской почве», — пишет философ Вадим Розин.

Евроатлантицентричная матрица власти проецируется на политические и экономические системы, школьное и университетское дело, здравоохранение и общественные

коммуникации постсоветского мира. В ряде принципиальных моментов и культурная политика подчиняется диктатуре глобального рынка. (Например, Минэкономразвития РФ отказалось ввести налог на иностранные фильмы для поддержки развития отечественной киноиндустрии.) При этом экономика трактуется как автономная, но доминантная сфера, где основное отношение — наращивание прибыли и конкуренция, а частная собственность — священное понятие. Высшая цель прогресса — развитое общество потребления.

Неолиберализм, захвативший господство в западном мире во второй половине XX столетия, впервые в российской истории стал главной государственно-идеологией. Созданы экстремальные условия для всех типов гуманитарных практик, науки, промышленности и общественного развития в целом: при всех оговорках, в центр российского мироздания постав-

Фейт Людвиг фон Зекендорф – немецкий историк, впервые описавший феномен камерализма в своем сочинении «Немецкое княжеское государство» (1656 год)

Камерализм, сформированный в XVII-XVIII веках, сыграл огромную роль в развитии европейской цивилизации, существенно повлиял на становление общественнознания и моделей капитализма континентальной Европы, американской школы политической экономии, на образование экономической профессии, социологии и социальных исследований в США, на складывание англосаксонской версии административных наук.

лен «успешный человек» — стяжающий прибыль и личную выгоду эгокультурный и эгоцентричный *homo oeconomicus*. Это может казаться невероятным, но вслед за Западом место наук о государстве и обществе в постсоветском мире заняла наука «о рынках». Уже четверть века всё инфраструктурное обустройство

страны и институциональное строительство центрированы на создании условий для обслуживания «институтов» развития отношений конкуренции и «процессов» рынка, новой культурной и финансово-имущественной стратификации, отзеркаливающей новый мировой порядок. Силою вешей благородный муж, пре-

данный делу развития общества и государства, культуры и миростроительства в целом, вытеснен на периферию и обладает статусом вторичности. Своей институциональной и политэкономической организацией в рамках данной идеологии общество и государство нацелены на возвышение и обслуживание экономически предприимчивого, адекватного глобальной рыночной конъюнктуре меньшинства.

Системные социальные последствия доминирования такого подхода широко известны. Недавнее обсуждение лидерами Общероссийского народного фронта вопросов организации движения за освобождение школ Москвы от наркотиков, невероятное падение уровня образования, сокращение рождаемости, разрушение институтов фундаментальной науки и промышленности, обеспечивавших суверенное развитие страны на протяжении нескольких веков, — лишь некоторые свидетельства этой ситуации.

Глобальный кризис и Grand Strategy

Хотя коллапс Советского Союза для историков, политэкономов, аналитиков и стратегов по-прежнему остается основным величайшим стратегическим сюрпризом прошедшего столетия, до 2014 — начала 2015 года общим консенсусом для трансатлантического мира было согласие в том, что история закончилась, то есть в стратегиях государственного и мирового развития ничего принципиально нового не предвидится, что либеральный капитализм и постисторический нищезанский человек наконец-то пришел к глобальной власти. В этом мире, где большие вопросы решены, а геополитика может быть подчинена экономике, теперь уже всё челове-

Бартоломеус ван дер Гельст. Торжество по случаю подписания Мюнстерского договора. 1648 год

ство будет выглядеть как нигилистический «последний человек», описанный Фридрихом Ницше: самовлюбленный потребитель, предел мечтаний которого — следующая поездка в торговый центр.

События начала XXI века вскрыли и вынесли на поверхность не только глубочайшие деградационные кризисные тенденции, но и множество латентных установок и верований транснационального класса и мирового идеологического истеблишмента. Одним из ключевых концептов, которыми фактически пользуются эти инженеры глобальных мировоззрений, являются так называемые структуры, стимулирующие и направляющие восприятие, — *perceptual incentive structures*. Смысл этого концепта состоит в том, что фигуры, вовлеченные в глобальную политику, разработку проблем и стратегий национальной безопасности, национального и международного развития, в своем мышлении о будущем не только зависимы от доминирующего когнитивного порядка, но подвержены использованию определенных штампов. Эти штампы ограничивают понимание современности и способность предвидения. Среди таких штампов — пред-

С 1648 года – с заключением Вестфальского мирного договора – и по начало XVIII века были запущены процессы формирования современной системы межгосударственных отношений, в которой перекрещивались отношения между гетерогенными феодальными конфликтными единицами, а иерархические системы империи и папства были заменены отношениями между современными «независимыми государствами».

ставление о современном государстве и источниках и возможностях суверенной государственности.

Основной комплекс вопросов, которыми до недавнего времени были поглощены активно действующие мировые идеологи-стратеги типа Фрэнсиса Фукуямы, Роберта Кагана и Уолтера Рассела Мида, состоял примерно в следующем:

- ♦ как сохранить состояние конца истории, то есть фактически ограничить историческое воображение и проектные начинания других стран и народов американским трансатлантическим образцом рыночной экономики и либеральной демократии;

- ♦ как упрочить благоприятный для Соединенных Штатов мировой либерально-капиталистический (экономический) порядок;

- ♦ как предотвратить появление каких-либо стратегических сюрпризов (в точном смысле слова — *No More*

Sputnik), не допустить социально-культурных и научно-технологических достижений, способных пошатнуть «непреодолимое» мировое научное и военно-технологическое лидерство Америки.

Сегодня же очевидно, что в стане идеологов и теоретиков мирового развития в духе конца истории царит определенное замешательство. С одной стороны, мы видим неприкрытую радость, так сказать, возврата истории — геополитической борьбы и возможностей новых противостояний, — как у Уолтера Рассела Мида, Роберта Кагана или Джона Айкенберри. Но с другой стороны, кризисные тенденции в мироэкономике и перспективы образования многих полюсов обострили все разночтения о будущем государственности и возможных типах государств. Проблематизирована евроатлантичность грядущего миропорядка. Нарастают опасения невозможности повсеместной реализа-

Утрехтский договор 1713 года

Между мирным договором в Вестфалии в 1648 году и в Утрехте в 1713 году был дан старт образованию современных форм межгосударственных отношений в Европе. Для существования государств в этой новой среде требовалась новая система знаний и технология управления – так появился спрос на функцию, которую стал выполнять камерализм.

ции принципов трансатлантической рыночной цивилизации. С этим связывают риски достижения абсолютной безопасности и сохранения доминирования и превосходства. Дело в том, что американская «Большая стратегия» (*Grand Strategy* – *GS*) прочно укоренена в либеральных идеологических основаниях. Как показывают американские историки, истеблишмент США уже более века убежден, что страна, ее экономика и образ жизни могут быть безопасны только в мире, живущем по принципу «открытых дверей», основанном на американской либеральной идеологии.

Либеральная идеология и онтополитика определяют формулировку и интересы, и опасностей существования политэкономии США. С самого начала *GS* основывалась на предположении, что единственной основой ликвидации уязвимости страны является достижение абсолютной безопасности. Было принято такое идеологическое экстерриториальное определение безопасности США, в соответствии с которым какие-либо преграды для действия или закрытость мира главным американским идеологическим и экономическим ценностям оказывается угро-

зой либерализму и внутри страны. Утверждается, что «здоровая» реализация либеральных ценностей и институциональных порядков в США полностью зависит от успешности и масштаба экспансии этих ценностей и институтов во всём мире. Как полагают ведущие американские научные школы международной политэкономии, американская миссия распространения демократии и либеральных экономических порядков никак не является альтруизмом, она вырастает из веры, что американские свободы не смогут выжить внутри страны, если безопасным для демократии не станет мир в целом. США станут чувствовать себя в безопасности и сумеют развивать свою политэкономия, только если будут окружены идеологически подобными государствами. Как отмечает профессор международной политэкономии

школы управления Техасского университета Кристофер Лейн, оказывается, что политическая философия американского либерализма вообще «нетерпима к другим политическим идеологиям. <...> Американский либерализм полагает, что для того чтобы быть в безопасности внутри страны, он должен элиминировать враждебные идеологии за рубежом; он может сохранять гегемонию в стране, только обретая гегемонию за ее пределами. Американский либерализм, соответственно, — это гегемонная идеология дома и идеология гегемонии за рубежом, и это первоисточник американских имперских амбиций».

Воспроизводственная несостоятельность трансатлантизма

Важнейшее следствие мировой экспансии принципов либерализма — катастрофическая ситуация в сфере экологии и воспроизводства жизни. Объективным индикатором цивилизационного кризиса является прокреационная составляющая современного западноцентричного миропорядка. За фасадом общества изобилия и потребления скрывается фундаментальная биологическая безбудущность, прокреационная несостоятельность стран евро-атлантической цивилизации, условно объединенных в рамках Организации экономического сотрудничества и развития (*OECD*). Фактически с начала 1960-х, но особенно в ходе кризиса с 2007 года, стали очевидными неуправляемые тенденции физического вымирания большинства народов, подвергшихся в последние столетия наиболее интенсивной обработке либеральными порядками. В текущем году Германия достигла самой низкой в истории страны фертильности — в 1.36. Этот фено-

мен называют *Schrumpfnation Deutschland* — «сокращающаяся Германия». Фертильность в 1.36 означает, что каждая новая генерация на одну треть малочисленнее предыдущей. Даже в относительно благополучных странах — во Франции, США и Скандинавии — фертильность едва дотягивает до 2.0, что также ниже необходимого показателя воспроизводства — более 2.1. В период кризиса — между 2008 и 2014 годами — уровень фертильности продолжил падение в более чем двух третях стран *OECD*. За последние 50 лет произошло драматическое снижение фертильности во всех странах *OECD*. Сегодня можно утверждать, что выстроенный в последние два века научный и дисциплинарный инструментарий трансатлантической капиталистической экономики не обеспечивает биологического воспроизводства стран европейской культуры. В условиях либеральной государственности проблема депопуляции пока не разрешима, депопуляция государств европейского мира продолжается более четверти века.

Следствием противопоставления принципов государства как института воспроизводства целого и неолиберальной программы, экспансии неолиберализма и экономической картины мира оказалось формирование рыночной цивилизации. Универсализированная рыночная метафора стала всеобщим дисциплинарным механизмом. Дисциплинарные процедуры и требования неолиберализма проецируются на все типы отношений. Как говорила Маргарет Тэтчер, «альтернативы нет», и «невозможно сопротивляться рынку». Ничто не может избежать превращения в товар. Человеческое тело уже давно стало предметом открытой купли-продажи. По словам

Эндрю Кимбрелла, директора Американского фонда исследований экономических тенденций, «все более и более американцев продают себя: свою кровь, сперму, яйцеклетки и даже новорожденных. Все более и более исследователи и корпорации формируют рынки человеческих “продуктов”, включая органы, части внутриутробных плодов, ткани, клетки и гены. Эскалация цен создала настоящий бум на рынке человеческих тел». Фундаментальный переворот совершен также и в Католической церкви. По словам ведущих профессоров крупнейших иезуитских университетов Северной Америки, «все имеет свою цену», универсальным основанием современности являются рыночные принципы, а потому — прибыль превыше всего.

К новой повестке дня

Мировой тектологической задачей ближайшего десятилетия (в духе Александра Богданова) является «историософская деколонизация» — избавление от тоннельного евроатлантицентричного мировоззрения, от диффузионистской трактовки мировой истории, в которой европейский культуропорождающий центр — Запад — исключительно благотворительно цивилизует мир, распространяя свои превосходные институты, свое влияние и власть на весь остальной мир.

«Европейский тоннель» как лоно мировой истории и мирового институционального процесса проблематизирован, вопрос о выходе к многоцивилизационному, многополярному миру переносится в практическую плоскость. Подвергается сомнению важнейший миф, на котором основан современный мировой порядок, — вера в то, что европейская цивилизация, «Большой Запад», обладает историче-

Людовик XVI и Мария-Антуанетта

Государство раннего Модерна не было государствоцентричной, национальной, этнической, деноминационной, геостратегической, топографической, культурной или лингвистической конструкцией, но являло собою результат изменчивых династических брачных политик и поддерживаемых войнами территориальных перераспределений.

ским преимуществом, уникальными расовыми качествами и высшей культурой, особой средой и возвышенным духом, которые «объективно» обеспечивают превосходство над всеми другими сообществами, во все исторические времена и по настоящее время. В силу радикальности и масштаба трансформаций исчезают отношения нормальности, культурно-исторической и политической нейтральности. Все действия — даже повседневность — теперь пронизаны отношениями к нисходящим (деградационным) и восходящим (перспективным) мировым трендам. Мы своим существованием и дей-

ствиями так или иначе вносим вклад в тот или иной тренд, поддерживаем воспроизводство кризиса или содействуем построению посткризисного мира.

Вместе с тем вполне очевидным становится грядущее новое глобальное финансово-технологическое зонирование и «огораживание», внутри отношений нового — поствестфальского — конституционализма и в рамках нового образовательного и идеологического ландшафта складываются невиданные ранее режимы доступа/открытости истории, «современных богатств» и будущего. Различным — с точки зрения способности знания и

действия — народам приоткрываются различные возможности, шансы исторического творчества, суверенного развития и самодеятельности.

Знание о государственном деле и для него: значимость камерализма

Построение современного государства, его эффективная интеграция в международную среду и обеспечение экономического развития немыслимы без создания, освоения и развития соответствующей системы знаний, без включения в процессы развития знания, задаваемые лидирующими геополитическими проектами и знаниевыми обществами. Для самоопределения и построения современной стратегии институционального развития государства и хозяйства необхо-

дим анализ их истории, эпистемологических и онтологических оснований базовых идей. Особое место должна занять история содержательных начал камерализма. Камерализм, сформированный в XVII-XVIII веках, сыграл огромную роль в развитии европейской цивилизации, существенно повлиял на становление общественности и моделей капитализма континентальной Европы, американской школы политической экономии, на образование экономической профессии, социологии и социальных исследований в США, на складывание англосаксонской версии административных наук. Необходимо новое прочтение истории политической экономии в ее взаимодействии с камерализмом. Ну и самое важное — камерализм сыграл исключительную роль в создании регулярного государства, построении Академии наук и университетского дела в XVIII-XIX веках в России.

Итак, стоит проблема онтологии политэкономии, которая свертывала бы в себе, «сняла» ключевые аспекты и проблематику современного глобализирующегося, основанного на знании капитализма в его динамичном взаимодействии с региональными и национальными экономиками. Построение такой онтологии потребует анализа истоков государственно-строительных дисциплин: политической экономии в широком смысле слова, административных и политических наук.

Контекстом для оформления и развития камерализма служил процесс образования государств и межгосударственных отношений в поствестфальской Европе. Отсюда так важна его содержательная реконструкция в современной ситуации, в условиях грядущего глобального «реструктурирования», когда намечен, по

сути дела, демонтаж вестфальских принципов. Доминирующей политикой глобализации развернута интенсивная работа по гомогенизации и образованию институционально и идеологически единого пространства глобального капитализма. Трансатлантический мир устремлен к полному воплощению в жизнь неоклассических экономических моделей, основанных на теориях либерализма. Намеченное в ближайшее время создание упоминавшегося ТТИП и Транстихоокеанского партнерства (ТТП) должно окончательно реализовать либеральную идею единого и гомогенного политэкономического пространства, лишенного государственных и национальных препятствий — границ.

Мы проводим здесь прямую историческую параллель и с постсоветским периодом, когда появилось множество «новых государств» и все они оказались в ситуации сложного реформирования, государственного и институционального строительства, и с современным реструктурированием миропорядка.

Сегодняшняя ситуация характерна активными действиями по глобализации мероприятий по экспорту институтов и экспансии способствующей этому транснациональной «идеологической помощи».

Реконструировать институциональный смысл тех или иных доктрин и технологических принципов общественной (рыночной) организации возможно только на фоне достаточно широкого исторического анализа — институты, их эволюция видны только в контексте истории и масштабных эволюционных изменений. Надо отметить, что практика камерализма была вытеснена либеральной программой, предана забвению и не получила значимого статуса ни в исторических, ни в

экономико-методологических работах советского периода. В силу языковых, понятийных и этимологических различий многие ученые, работающие в англосаксонской традиции, также трактуют камерализм лишь как германскую версию меркантилизма. Это делает, например, Иммануил Валлерстайн в своем фундаментальном труде по истории европейской и мировой экономики. Подобное же отождествление мы находим и в «Энциклопедии социальных наук», написанной ведущими англоязычными учеными в конце 20-х годов XX века.

Все эти неразличия затрудняют понимание истории политической экономии и фундаментальных аспектов институциональной эволюции государственности в европейской цивилизации. Осложняют выделение достижений советского периода, оснований «институциональной инерции» и кризисные моменты постсоветской государственности, как и глобального капитализма. Мы также разделяем позицию, что камерализм как специфическая доктрина и практика государственного строительства, которые оформились в континентальной Европе, должен рассматриваться в качестве одного из главных факторов, определивших историю, мировое технологическое лидерство и превосходство Европы и европейской культуры. Изучение его достижений и извлечение уроков имеет важнейшее значение для развития политической экономии, построения знаний для государственного дела в постсоветском мире.

Стратегический контекст образования камералистики

Как и всякое масштабное социокультурное и политэкономическое явление, камера-

лизм имел множество «источников» и оснований для образования и расцвета. Мы здесь не претендуем на их полномасштабную реконструкцию и методологически скрупулезное выделение — для нас важны наиболее критические аспекты.

В европейской истории национальные экономики, доктрины их построения и управления ими складывались под решающим влиянием «транснационального контекста». Государства «лепили себя» в теснейшем идеологическом, торговом, военном и культурном взаимодействии друг с другом.

В рамках конвенциональной интерпретации предполагается, что с 1648 года — с заключением Вестфальского мирного договора — и по начало XVIII века были запущены процессы формирования современной системы межгосударственных отношений. В этой системе перекрещивались отношения между гетерогенными феодальными конфликтными единицами, а иерархические системы империи и папства были заменены отношениями между современными «независимыми государствами». Политический суверенитет и дискурс государственного дела — *raison d'État* — секуляризировали международные отношения, религия стала оттеняться как доминирующая форма их легитимации. Международное право предполагало взаимное признание, невмешательство и религиозную толерантность. Универсальные институционально-политические концепции империи или *res publica christiana* — иерархически организованной христианской республики — уступили место действию баланса сил как естественного регулятора конкурентных отношений государств в контексте многополярной и анархической среды.

Разделение между политикой и религией и утверждение идеи «самоопределения наций» закрепило признание принципа мирного сосуществования среди юридически равных членов международного сообщества.

Между мирным договором в Вестфалии в 1648 году и в Утрехте в 1713 году был дан старт образованию современных форм межгосударственных отношений в Европе. Для существования государств в этой новой среде требовалась новая система знаний и технология управления — так появился спрос на функцию, которую стал выполнять камерализм. Он оказался ответом на послевоенный кошмар. В буквальном смысле камералисты стали советниками глав государств, имели прямую обязанность выработки государственно-политических, управленческих и хозяйственных решений.

Новые государственные образования, ставшие в результате разрушения Священной Римской империи независимыми, должны были обеспечивать множество функций, традиционно выполнявшихся институтами Церкви. Несмотря на установление мира, оборона оставалась важнейшим вопросом — создавались профессиональные армии и технологии финансирования войн. Война рассматривалась как *ultima ratio regis*, то есть предельное основание существования и наращивания могущества и роста государств. Непрерывная вовлеченность в войны требовала не только совершенствования технологии ведения войны, но и всеобъемлющей рационализации общества и хозяйства.

В связи с конкуренцией «суверенных» принцев и князей друг с другом сведения об успешных проектах государственного строительства и финансирования быстро распро-

странялись, часто благодаря быстрым переводам сформулированных доктрин с латинского на французский и немецкий.

Геополитический и геоэкономический контексты

С конца периода Средневековья международная система прошла через драматическую трансформацию пересекающихся юрисдикций феодалов, императоров, королей и церковных иерархов — эти взаимодействия породили территориальную детерминацию власти.

Природа и динамика геополитических систем существенным образом определялась тем способом, каким конституируются институты и политико-экономические единицы — основанные на специфических отношениях собственности. Вариации режимов собственности транслировались в вариации государственных форм и далее, соответственно, — в вариации форм и динамику международных систем. В XVII-XVIII веках изменился характер геополитических отношений: от логики персонализированных суверенитетов раннего Модерна, основанных на предкапиталистических, династических отношениях собственности, — к «деперсонализированной логике» суверенности Модерна, основанной на капиталистических отношениях собственности.

Государство раннего Модерна не было государствоцентричной, национальной, этнической, деноминационной, геостратегической, топографической, культурной или лингвистической конструкцией, но являло собою результат изменчивых династических брачных политик и поддерживаемых войнами территориальных перераспределений. Наиболее важные аспекты

Рембрандт. Ночной дозор. 1642 год

формативного контекста камерализма — это образование и конституирование отношений прав собственности и отношений исключительной территориальности. Главным механизмом конституирования были не внешние отношения вновь образованных государственно-политических единиц по поводу собственности, но институционализация прав собственности внутри формируемых территориальных границ, то есть механизмы и процессы учета, инвентаризации, национализации, урегулирования и распределения прав и отношений собственности в пределах суверенной юрисдикции данных государств.

Фундаментальный разрыв со старой логикой территориального накопления и территориального расширения международных отношений произошел с развитием капитализма в Англии.

Иерархии наследственных статусов разрушались повсеместно. Привилегии, региональные различия и традиционные права князей и гильдий в городах были атакованы и аннулировались задолго до Французской революции. Появлялись субъекты с правами собственности без унаследованных рангов. Формировались права индивидуальной собственности.

Мир конца XVII — начала XVIII века еще не был капиталистической системой. Поскольку большинство доминирующих европейских государств основывалось на предкапиталистических отношениях собственности, Англия балансировала и вела «территориальную борьбу» с Испанией и Францией. Для осуществления экспансии капиталистических отношений и проведения революций «сверху», аграрно-капиталистических реформ и «введения отношений капитализма» необходимо было «деперсонализировать» отношения собственности. Иерархии наследственных статусов разруша-

лись повсеместно. Привилегии, региональные различия и традиционные права князей и гильдий в городах были атакованы и аннулировались задолго до Французской революции. Появлялись субъекты с правами собственности без унаследованных рангов. Формировались права индивидуальной собственности. Только после того как капитализм получил общеевропейское распространение, «невидимая рука рынка» — и одновременно капиталистического балансирования — могла регулировать абстрактную сферу экономических обменов «деперсонализированных государств». Онтология *homo*

oeconomicus стала доминировать, и доходы могли накапливаться частным образом — и внутри страны, и на международном уровне. После серии европейских революций в период XVII—XIX веков и открытия национальных рынков для мирового обмена новая логика спонсированной Англией торговли между капиталистическими государствами позволила реализовать экстерриториальную логику накопления и присвоения доходов.

Власть, собственность и индивидуализация

Появление частной собственности и образование отношений, «закрытых» для государственного вмешательства, — это революционная инновация в праве, существенным образом реструктурировавшая отношения власти, превратившая их в «частное дело». Участие государства в социальном воспроизводстве стало «нелегитимным». Рынок получил ведущую роль и в материальном, и в идеальном общественном воспроизводстве. Общественная власть и функции государства редуцировались до предоставления условий, в которых граждане «наслаждались» бы пользованием своей собственностью. Было трансформировано само содержание и смысл понятия «общество». Перестали существовать такие феномены, как «общее происхождение» или общинные общности и т.п., ликвидировалась традиция синойкизма, главными стали институты накопления, реализации и подтверждения собственности индивидуумов. Отношения индивидов перестали опосредоваться правилами или понятием общности. Новые отношения истолковывались как вне- или предполитические, поскольку согласие о признании собствен-

ности и ее защите предшествовало каким-либо политическим формированиям. Политика могла завершать, «шлифовать», но никак не трансформировать «собственные основы» этого гражданского общества. Вместо устанавливаемых по рождению, традиции или заслугам общественных рангов отношения между членами гражданского общества теперь стали регулироваться через призму отношений к вещам, которыми те владели. Это позволило выделить и эмансипировать экономическую деятельность от объемлющих социальных и политических отношений, аристотелевская позиция, исключавшая «хрематический способ производства», была преодолена. Политика стала преследованием частных и индивидуальных интересов и потеряла смысл заботы об общем — как о том, чем мы обладаем коллективно. Задачи государства стали сводиться к защите собственности, поддержанию эффективности рынка и общей обороне.

Насколько далеко вела данная концептуальная революция, особенно заметно в области институционализации индивидуализма. Индивидуумы теперь уже не были членами конкретных и исторически длительных сообществ или групп, но проявляли свою единичность и особенность как собственники своего тела и способностей, в которых труд стал наиболее важным аспектом дифференциации. Джон Локк усматривал основания собственности именно в самом человеке как «хозяине самого себя» и как «собственнике своей личности, действий и труда». Однако при последовательной реализации принципов капитализации труд превратился в товар и стал существовать в отчужденных формах. Именно на это

указывал Маркс начиная свою критику капиталистического способа производства — когда приобретение богатства становится единственной целью хозяйства, оно порождает отчуждение труда, когда сам человек уже «не может определять свою судьбу».

Контрконцепцией для данного модернистского проекта служили германские социально-политические науки, которые были ориентированы на старую аристотелевскую традицию и понятие патриархального правила, в котором правитель был связан, с одной стороны, с Богом, а с другой — с «добрым отцом семейства», который опекал и обеспечивал свое окружение и тех, кто был «под ним».

Институционализация камерализма

Науки об экономике в Германии получили подчиненный характер и являлись скорее реалистически-ориентированными теориями организации управленческой деятельности правительства. Экономика не стала независимой наукой о хозяйственных отношениях и достижении экономического богатства в независимых от форм правления рамках, в которых они существовали.

Первым основоположением для камералиста — администратора-консультанта — была территория, полученная по правилам наследования. Обладание природными ресурсами должно было рассматриваться как естественное и предзаданное, в отличие от торговли и промышленности, которые могут быть предметами искусственного совершенствования.

Начиная с XVIII века германская концепция общественно-политической науки, или учения о задачах государства и государственном строительстве, включала исследование общества и хозяйства, ис-

пользуя аристотелевские концепции ойкоса (дома) как хозяйства и полиса (города-государства) как государственной организации. Понятие государства использовалось как основополагающее для социально-политической организации общества в целом, что отражало немецкий перевод аристотелевской «Политики», в котором государство и общество были синонимизированы. Такой симбиоз государства и общества — как самоочевидный момент — отражал также теологические основы гуманитарного знания XVII-XVIII веков и сохранялся на протяжении всего развития камерализма, затем переключался в концепцию «национального хозяйства» в XIX веке.

Одним из первых квазиэкономических трудов по камералистике в Германии стал «Завет», написанный в 1555 году Мельхиором фон Оссе. Фон Оссе описывал «обязанности совершенного правителя», который хотел бы управлять процветающим, успешным государством. «Владыка, или правитель, имеет обязанности перед народом в трех планах: он должен поддерживать состояние процветания, которое образуется, если люди живут целомудренно, когда поощряются образование, искусства, когда многие образованы и мудры и могут инструктировать остальных, он (правитель. — А.К.) не позволяет сваливаться в темноту и невежество и поддерживает всё что полезно для совершенствования общества».

В первых работах камералисты излагали своего рода нормативные требования к содержанию государственных предметов ведения. Эти требования включали в себя: обеспечение необходимого числа докторов, предоставление снабжения чистой водой и доступ к ней, мусороудаление, хорошее образование, ликви-

Джон Локк (на портрете Михаэля Даля) усматривал основания собственности именно в самом человеке как «хозяине самого себя» и как «собственнике своей личности, действий и труда».

дацию ростовщичества и денежных спекуляций, подавление паразитов (игроков и мошенников) и обеспечение условий и средств, при помощи которых каждый подданный сможет вести пристойную жизнь. Задача правительства и камерализма — предоставить такую организацию и технику, которая обеспечивала бы сохранение не только должного мира и порядка, но и нравственности граждан. «Цель таких установлений должна достигаться при помощи под-

держания права, мира и богатства или благополучия страны и людей», — считал фон Оссе. Концептуальные работы камералистов могут считаться одними из первых современных практико-методических трудов в области государственной политики.

Камералисты ставили вопрос о ненадежности — в смысле точности — представлений о состоянии германских государств, о необходимости создания достоверной системы учета. Задачей камералистов было

Эдвард Мунк. Рабочие идут домой. 1913-1914 годы

При последовательной реализации принципов капитализации труд превратился в товар и стал существовать в отчужденных формах. Именно на это указывал Маркс начиная свою критику капиталистического способа производства – когда приобретение богатства становится единственной целью хозяйства, оно порождает отчуждение труда, когда сам человек уже «не может определять свою судьбу».

сформировать систему знаний о своих странах и политику их хозяйственного развития. В описания они включали следующие элементы.

Во-первых, прояснение имени, происхождения, источников и обстоятельств появления/образования государства, то есть:

- ◆ откуда данное государство «получено»;
- ◆ как возник суверенитет данной страны;
- ◆ географические и топографические особенности территории;
- ◆ необходимы карты, кото-

рые представят все данные особенности.

Во-вторых, учет всех подразделений страны и зависимых территорий, то есть:

- ◆ в соответствии с естественными границами;
- ◆ в соответствии с различными искусственными мерами, договорами и установлениями;
- ◆ распределение территории между различными должностными лицами;
- ◆ подразделение административных и судебных юрисдикций страны;
- ◆ более детальное описание каждого подразделения стра-

ны согласно такой схеме: улицы, мосты, проходы и т.п.

В-третьих, учет «качества и изобилия» территории, то есть:

- ◆ изобилие страны в целом;
- ◆ производительные возможности страны;

◆ специальные темы, которые необходимо рассмотреть для освещения производительности конкретной страны.

В-четвертых, учет жителей страны, то есть:

- ◆ неопределенность естественного размещения населения;
- ◆ классовые различия населения;
- ◆ более детальные социальные дифференциации, включая религиозные различия, различия интересов бюргеров и должностных лиц в имперских и свободных городах и т.п.;
- ◆ индивидуальные и личные особенности суверенов (в

смысле их различий в типах прав наследования — то есть политические, конституционные и юридические различия). В-пятых, ростер (административная структура) служащих правителя и правительства. Именно эти части напрямую отражают задачи планирования управления государством в рамках квазиабсолютизма: в первом параграфе представлены вопросы правления, обеспечения реализации суверенитета и властных полномочий правящих принцев в целом. В соответствии с данной концепцией правление страной должно быть устроено на основе средств автократии, автократически. На языке камерализма это означало, что не кто иной, как именно Бог обладает правом «дисциплинировать» принца (короля), поскольку именно он ответственен перед божественной властью, которая любезно сделала его сувереном данного народа.

Филипп Вильгельм фон Хорник было ввел различие между частным и государственным сектором в экономике. Он разработал девять правил для государственной экономики, которые включали:

- ♦ максимально возможно широкое производство всего необходимого непосредственно внутри страны;
- ♦ минимальную зависимость от других стран;
- ♦ полноценное использование местных природных ресурсов.

Данная важная работа переиздавалась 16 раз между 1684 и 1784 годами. На немецком языке это был самый издаваемый труд того периода. Фон Хорник сформулировал главные правила ведения государственного хозяйства:

- ♦ точное обследование земель, а также экспериментальная проверка для точного определения ее продуктивных возможностей, в особен-

ности в области драгоценных металлов;

- ♦ переработка непосредственно в стране всего сырья, если невозможно его использование в натуральном виде;
- ♦ предельное увеличение числа и обеспечение занятости подданных;
- ♦ недопущение экспорта или тезаврирования (бесполезного накопления) золота или серебра;
- ♦ ограничение использования, насколько это возможно, продуктов не промышленного, а кустарного изготовления;
- ♦ необходимое иностранное оборудование должно обмениваться, по возможности, за производимые в стране товары, а не за деньги;
- ♦ насколько это возможно, такое оборудование должно приобретаться в промышленно необработанной форме;
- ♦ максимально возможный экспорт местных товаров и продуктов и их излишков должен предпочитаться экспорту золота или серебра;
- ♦ должен быть запрещен импорт тех товаров, которые имеются в достатке, такого же качества и могут быть произведены в стране.

Он подчеркивал, что «будет гораздо лучше, несмотря на то как ни странно это может выглядеть для плохо информированных, платить два талера за приобретение оборудования, если талеры остаются в пределах страны, вместо оплаты одного талера — если он уходит за границу». Горная промышленность должна поощряться даже в случае, если затраты на ее ведение не покрывают доходов: «Как все издержки, так и то, что добывается из недр, всё равно остается в стране». Фон Хорник основывает свои взгляды на дифференциации между бережливостью и накоплениями индивидов и стран, или, говоря современным языком,

между частной и государственной экономикой. Опережает время его замечание о том, что камеральное управление является «специфическим управлением». Оно возможно только при условии общей бережливости, культивируемой в государстве в целом. Это главная причина того, почему внимание государства не может быть ограничено улучшением работы собственно казначейства.

В 1758 году один из самых известных успешно практиковавших и теоретизировавших камералистов Йохан Генрих Готтлиб фон Юсти написал книгу «Государственное хозяйство», где провозгласил себя «универсальным камералистом». Самой важной задачей этой профессии он считал «следование первому и универсальному принципу, согласно которому вся государственная деятельность должна быть организована так, чтобы служить средством достижения счастья», народ «не существует ради правителя», первичной целью республики является достижение общего счастья населения. Для этого важны всемерное развитие наук и образования, свобода, защита собственности, расцвет национальной промышленности, рост населения.

Христиан Фрейер фон Вольф считается первым и наиболее влиятельным политическим экономистом Германии. Он обращал внимание именно на значение правовых и институционально-политических рамок, в которых государственная экономическая политика должна реализовываться, так как игнорирование этой действительности может привести к полной невозможности применения результатов теоретической экономики на практике. Ключевую роль в его теории играет представление о государстве

Мельхиор фон Оссе. Политический завет. 1555 год

Мельхиор фон Оссе:

«Владыка, или правитель, имеет обязанности перед народом в трех планах: он должен поддерживать состояние процветания, которое образуется, если люди живут целомудренно, когда поощряются образование, искусства, когда многие образованы и мудры и могут инструктировать остальных, он не позволяет сваливаться в темноту и невежество и поддерживает всё что полезно для совершенствования общества».

благополучия: «Совершенно очевидно, что индивидуальные домохозяйства не могут обеспечить себя всем необходимым для удовлетворения своих первичных потребностей, условий и благополучия, то есть богатства. Они не могут сами по себе быть уверены, что будут способны насладиться плодами своей собственности и обеспечить реализацию своих прав собственности. Не могут они также защитить себя от внешней агрессии. Поэтому нам необходимы общие социальные усилия, то есть общество, через которое индивидуальные домохозяйства смогут достичь максимума в

своем благополучии». Основной единицей политэкономического анализа у фон Вольфа выступает домохозяйство, а государственная политика привязана к общему социальному благополучию, но при этом она ограничивается способностью домохозяйств к самостоятельному «решению своих проблем» — и государство благополучия должно всемерно повышать эту способность, — включая условия для полной занятости, школьного образования, стабильность финансовой системы, попечения о бедных и т.д. То есть всё это меры весьма близкие к социальной политике в рамках

концепций социальной рыночной экономики.

Политическая экономия образовалась как наука, необходимая для администрации и управления активно действующего государства благополучия. Именно поэтому предметный смысл и объективная действительность политической экономии на немецком передаются словом *Staatswissenschaften*, то есть наука о государстве, а *Volkswirtschaftslehre* — хозяйство, экономика — происходит от *Volkswirt* — термина, который никак не может быть передан английским *economics*. Огромную роль в разработке и пропаганде идей строительства республиканского государства сыграл Готфрид Вильгельм фон Лейбниц. Он находился в центре весьма широкой и влиятельной международной политической сети, вел переписку с английскими, российскими и американскими интеллектуалами и деятелями — непосредственными участниками процессов го-

сударственного строительства. В его работе 1671 года «Общество и экономика» можно обнаружить аргументированные антитезисы открытой либеральной рыночной экономике, концепция которой была конкурентной и распространялась через сети поклонников доминантного развития трансгосударственных институтов, необходимых для обслуживания свободной и беспрепятственной торговли. Другая центральная идея Лейбница заключалась в необходимости учреждения академий для поддержки и поощрения развития искусств и наук как главного фундамента прогресса народов. Лейбниц утверждал, что прогресс национальной экономики может основываться только на развитии науки и технологии. Из планов Лейбница выкристаллизовалась идея общества всеобщего благосостояния, оппозиционная гоббсовскому универсуму, где каждый борется со всеми остальными и правительство предельно ограничено во вмешательстве в личные дела граждан. Лейбниц считал, что общество обладает великими целями и экономика должна служить их достижению. Американская Декларация независимости утвердила скорее не гоббсовские идеалы «борьбы всех против всех», а именно лейбницеvские, в которых отражены аристотелевские идеи *eudaimonia*, то есть права на жизнь, свободу и достижение счастья.

Знание камералисты строили в точном соответствии с эпистемологической идеологией древних греков — в признании его принципом добродетели. Главная задача знания — обеспечение политико-нравственной регуляции процессов обустройства и развития общества. В этом смысл «практических наук» камерализма. Долженствование, основанное на

Христиан фон Вольф (на гравюре):

«Индивидуальные домохозяйства не могут обеспечить себя всем необходимым для удовлетворения своих первичных потребностей, условий и благоденствия, то есть богатства. Они не могут сами по себе быть уверены, что будут способны насладиться плодами своей собственности и обеспечить реализацию своих прав собственности. Не могут они также защитить себя от внешней агрессии. Поэтому нам необходимы общие социальные усилия, то есть общество, через которое индивидуальные домохозяйства смогут достичь максимума в своем благосостоянии».

знании, должно «подчиняться» правилам нравственной жизни и созданию условий

для счастья. Это был императивный и содержательный критерий во всей институцио-

Четыре основных принципа налогообложения присутствуют во всех учебниках начиная с 1776 года, когда Смит (на гравюре) опубликовал свою знаменитую работу. Фон Юсти шел гораздо дальше Смита в вопросе ограничения власти и применения права на налогообложение.

нальной организации производства знаний. Камерализм рассматривал общество как бесконечную задачу социотехнической интервенции и институциональ-

ного строительства, целью которого было создание общих благ и обеспечение благосостояния подданных — там, где усилия отдельных граждан могли быть недоста-

точными, и в тех случаях, когда граждане не понимали или не видели этих задач. Данный моральный императив выражался в доктрине «ограниченного покровительства», или «опеки для поддержания разумности». На государство возлагались задачи, относительно которых широкие массы подданных могли испытывать недостаток понимания своих интересов или же не обладали средствами их достижения. Поэтому такое «ведение неблагоприятной массы» становилось задачей просвещенной, рациональной государственной элиты.

Финансовая экономика и рационализация администрации: камералистский подход к государственным финансам и бюджетированию

Преодоление неопределенности, достижение стабильности и построение предвидимой организации государственного хозяйства и управления были важнейшими задачами камерализма. Это предопределило направления усилий и содержание результатов — выделенных предметных дисциплин, техник и принципов, полученных камералистами.

Период XVII-XVIII веков в европейской истории характеризовался как время великих открытий и активной территориальной экспансии и колонизации. В процессах экспансии наиболее активно использовалась военная сила. В противоположность этому камералисты — как идеологи и советники — выступали защитниками мирной торговли и планируемого экономического обустройства и развития. Фон Юсти отмечал, что все непосредственные достиже-

ния, полученные войной, приведут затем к экономическим и нравственным потерям, и рекомендовал, чтобы завоевания заменялись продуманной внутренней политикой. Для построения практической внутренней политики формирующимся национально-территориальным государствам необходимо было знание о наличных ресурсах, их динамике и способах накопления. Камералисты начали складывать первые техники планирования и «контроля» будущего — всё служило снижению неопределенности, повышению стабильности и уменьшению рисков ведения хозяйства в будущем.

Среди наиболее важных практических техник были обзоры состояния хозяйства — коммунальная и национальная статистика. Оценка состояния населения на основе статистических баз данных стали достаточно точными уже в XVII веке. Было установлено количество населения и определена продолжительность жизни — так могли быть рассчитаны потенциал роста, экономической занятости и возможности военного рекрутирования. Показатели продолжительности жизни служили для определения условий и сроков государственных займов или тонтины — на случай передачи государственных обязательств или распределения вознаграждений и доходов держателей займов. Построение надежных и динамично обновляемых представлений о состоянии, хозяйственном развитии и социально-экономической динамике подвластных территорий и владений было одной из наиболее сложных задач правителей и камералистов. Начиная с 1740-х годов камералистские профессора классифицировали формы знания, относящегося к государствам и их хозяйству, как статисти-

ку — знание о состоянии государства (от слова *Staat, state* — государство).

По мере накопления массивов статистической информации появились возможность и условия для создания и применения сложных математических техник и вероятностных методов расчетов. Наличие точных и всесторонних записей и счетов позволило поставить вопрос о формировании экономики как позитивной, точной, математической науки. Эта инфраструктура, призванная обезопасить бизнес от рисков рыночной неопределенности, формировалась параллельно с тем, как набирала силу идеология *laissez-faire* и либерализм проникал во все отношения. В конце XVIII века возможности уменьшить неопределенность при помощи методов экстраполяции, прожектирования и разработки планов были подвергнуты критике со стороны либералов. В частности, Иммануил Кант в своих «Пролегоменах» 1783 года назвал данный подход попыткой колонизации будущего: он утверждал, что «создание планов — это высокомерное, самонадеянное умственное занятие», в котором планировщик претендует на обладание некоторой творческой гениальностью, когда требует от других того, чего не может сделать или предоставить самостоятельно, или требует реализации проектов, для которых он не может найти средств. Им была подвергнута критике и возможность планового обеспечения потребностей в рамках государственной системы благочиния.

Важнейшая особенность камерализма — ориентация на использование для финансирования государственной деятельности преимущественно доходов государственных предприятий. В подходе к го-

сударственным финансам камерализм рассматривал государственные земли и предприятия как главный источник доходов и никогда — как объект субсидирования. Как источник доходов налоги всегда занимали вторичную позицию. Налогообложение — «нежелательный» и вторичный инструмент государственных финансов. Камералисты трактовали государство как участника в рамках более широкого экономического порядка. С этой точки зрения индивиды имеют свою собственность, и государство имеет свою специфическую собственность — и оно должно быть способным использовать эту собственность для генерирования доходов, необходимых для финансирования всей своей деятельности. Для камералистов было очевидно, что государство всегда будет нести большие расходы, связанные с осуществлением своих функций, однако эти расходы не должны покрываться за счет результатов хозяйственной деятельности частных субъектов. Они должны быть покрыты непосредственно из доходов от государственных земель и предприятий, конституирующих государственную собственность. И хотя камералистские государства обладали необходимой полнотой власти для установления налогов, во всех камералистских рекомендациях подчеркивалась необходимость минимизировать налоги, поскольку они могут нанести вред государству и его подданным.

Поучительно сравнить подходы к налогообложению фон Юсти и Адама Смита — двух идеологов, доктрины которых традиционно трактуются как противоположные. Четыре основных принципа налогообложения присутствуют во всех учебниках начиная с 1776 года, когда Смит опубликовал свою знаменитую работу. В

число этих принципов входило следующие:

- ◆ налоги должны быть пропорциональными собственности;
- ◆ налоги должны быть точными, а не произвольными;
- ◆ налоги должны быть удобными по процедуре оплаты;
- ◆ налоги должны быть экономичными для администрирования — как для налогоплательщика, так и для государства.

Фон Юсти также достаточно ясно выражал подход к налогообложению, хотя в отличие от идей Смита его подход не был широко освоен и продвинут в литературе по государственным финансам. Фон Юсти шел гораздо дальше Смита в вопросе ограничения власти и применения права на налогообложение. Он фактически в точности покрывал все принципы, сформулированные Смитом, но далее предлагал еще два дополнительных:

- ◆ налог никогда не должен лишать налогоплательщика его «принадлежностей» (собственности) или уменьшать его капитал в той мере, что он более не сможет платить налоги в будущем;
- ◆ налоги никогда не должны вредить непосредственному благосостоянию налогоплательщиков и нарушать их гражданские свободы.

В случае буквального применения принципов налогообложения, сформулированных фон Юсти и Смитом, практика на основе фон Юсти будет иметь значительно более существенные ограничения во взимании налогов. То есть она будет более либеральной в традиционном смысле слова. Смит полагал налоги главным — и, по-видимому, единственным — источником государственных финансов. Более того, в его трактовке государство должно сократить свою собственность и освободиться от доходов от нее. В оппозицию этому фон Юсти

предварял свои «максимы налогообложения» изложением оснований — почему налоги должны быть «последним» (остаточным) или вторичным средством государственных финансов. По фон Юсти идеальное государство не будет облагать налогами вообще, оно действует как органический участник общественных рыночных взаимодействий и следует его экономическим порядкам. Государство находится внутри хозяйственного порядка, а не вне его. Гражданское общество и государство не противопоставлены друг другу — они неразделимы и находятся в непрерывных процессах становления и взаимного порождения. Такое рассмотрение государства в отношении к гражданскому обществу принципиально отличается от современных либертарианских конструкций, в которых государство и общество трактуются как автономные и независимые друг от друга институциональные образования. В современной конструкции государство по определению вмешивается в гражданское общество и процессы его развития. Различия между государством как участником экономического порядка и государством, вмешивающимся в экономический порядок, имеет важное теоретическое значение и многочисленные практические применения.

Смитовский идеал заключается в том, что государство — как наиболее сильная сторона — неминуемо вмешивается в экономический порядок и естественное течение хозяйственных процессов. В рамках данной традиции государство рассматривается как «существо», максимизирующее доходы, как Левиафан. Смитовские принципы налогообложения — это рецепт для сосуществования с Левиафаном при помощи таких защитных мер и

контрдействий, как «обрезание ногтей» данного существа или «укорачивание зубов». Поскольку данное существо вечно, то цель налоговых принципов — ограничить ущерб, наносимый этим существом всем другим экономическим агентам. Принципы налогообложения фон Юсти, взятые вместе с его предпочтением получения главных доходов от государственных предприятий, представляют принципиально иную интеллектуальную ориентацию и подход к «приручению» данного «существа». Особое внимание камералисты уделили расходам (инвестициям) на развитие человеческого капитала — наилучшему средству хозяйственного роста и увеличения доходов. Камералисты решали задачу непосредственной интеллектуальной и методической помощи своим правителям, которые находились в поиске лучшего использования имеющихся у них фискальных и других политэкономических инструментов, необходимых для содействия своим династическим и другим целям. Таким образом, исторически феномен государственных финансов был напрямую связан с постановкой правителем целей и проблемой выбора средств их достижения. Финансы — как дисциплина — должны были представить картину хозяйственных процессов и показать возможности и пределы производства и потребления, оперативные возможности для действий по поддержанию хозяйственного роста или развития.

Государственные доходы зависели от выбора правителем стратегии организации хозяйственной деятельности на всех государственных предприятиях — фабриках, шахтах, землях или фермах. Степень, в которой государственные расходы направлялись на проекты и предприятия, способ-

Фрагмент титульного листа «Левифана» Томаса Гоббса. 1651 год

ные увеличить (или уменьшить) продуктивность, зависела от постановки целей и выбора правителя. С политэкономической и технологической точек зрения это весьма отлично от того, что мы встречаем в современных демократических режимах, где феномен государственных финансов вырастает не из проблемы чьего-то оптимизирующего выбора, а через взаимодействие многих участников фискального процесса.

Бюджетирование было усилением по уменьшению неопределенности и созданию состояния стабильности — камеральные управляющие расширяли рамки предвидимого и контролируемого. Бюджет играл роль инструмента, при помощи которого землевладельцы ориентировались в оценке того, что может быть произведено в их владениях, а затем потреблено. Правители оглядывались на бюджеты для оценки доходов и определения допустимых размеров налогообложения. Начиная с 1815

Смитовский идеал заключается в том, что государство — как наиболее сильная сторона — неминуемо вмешивается в экономический порядок и естественное течение хозяйственных процессов. В рамках данной традиции государство рассматривается как «существо», максимизирующее доходы, как Левиафан.

года профессионализированная разработка бюджетов и налогообложения была распространена во всех западноевропейских государствах. Она включала такие формальные требования, как «универсальность», то есть презентацию доходов и расходов в чистом и обобщенном виде, «специализацию» — ясное определение состава и содержания строк расходной и доходной частей бюджета, «баланс» — уравнивание доходной и расходной частей при помощи соответствующих мер, «привязку ко времени» — например, к календарному году. Правительства государств практиковали бюджетирование на протяжении всего XIX века. Демонстрация бюджетов налогоплательщикам стала инструментом публичной

экономики и политики по мере расширения прав и институционализации демократических выборов.

Техника бюджетирования и планирования оказала влияние и на методы работы с неопределенным будущим в деловом секторе. Как известно, в США техника и процедуры бюджетирования были рекомендованы для широкого применения и приобрели популярность в сфере бизнеса в результате усилий легендарного Джеймса Маккинзи только в 1922 году — вскоре после того как в 1921 году федеральным правительством был принят закон «О бюджете и бухгалтерии». Предполагалось, что при помощи бюджетов, планирования производства и координации будет достигнута большая контролируе-

Сравнение подходов камерализма и либерального экономизма

Характеристика	Камерализм	Либеральный экономизм
Онтология	Общество, государство и хозяйство синонимизированы.	Общество, государство и экономика – автономные сферы.
Механизм развития	Государственное благочиние и благосутройство.	Саморегулирующийся рынок.
Место и статус институтов	Экстраэкономическое: институциональное объемлет собственно экономическое.	Экономическая деятельность первична, экстраэкономическое незначимо.
Трактовка человека	Экономическая система основана на статусах, служении и приверженности.	В основе – индивидуальные интересы.
Задачи	Решение практических задач в институционально-политических рамках. Институциональное и практическое обеспечение общего благосостояния.	Выделение естественных и универсальных экономических законов. Эмансипация экономической деятельности индивидов от социальных институтов.
Формы результатов	Нормативно-методические предписания на основе целеполаганий и установлений государственной политики.	Законы и закономерности типа естественнонаучных. «Диктатура объективного знания».

мость, определенность финансовых операций и ликвидность. Однако все эти аспекты были также важны и принципиальны для казначейств, или *camerae*, Европы эпохи камерализма, когда бюджет стал средством управления и контроля их *bougettes*, или кошельков. Основания всех институтов и способов порождения знаний современных менеджеров, бухгалтеров и актуариев были заложены во времена камерализма.

Общественно-институциональная организация, процессы образования которой были запущены с момента заключения Вестфальского мирного договора, создала условия для развития камерализма. В связи со сложными конкурентными и комплементарными взаимоотношениями институционально-политических единиц, образованных в результате договора, были развернуты и сложные процессы определения функциональной компетентности государств и их служб, а также проектирования принципов распределения и дислоцирования этих полномочий и компетентностей. Это был также процесс

формирования принципов отношений между центром и периферией.

Одним из наиболее важных достижений камерализма стало создание сети кафедр в университетах, которые осуществляли «камералистские исследования» и обеспечивали специальную профессиональную подготовку государственных служащих. Несмотря на бедноту и разруху, царившие в Центральной Европе после Вестфальского мира, первейшим советом камералистов королям германских земель было учреждение университетов. Фридрих III в Пруссии учредил университет в Галле в 1694 году, а затем Академию искусств в 1696-м и Королевское общество наук в 1700-м. Следующими акциями, направленными на создание условий для всеобщего образования и подготовки государственных служащих, были усилия прусского короля Фридриха I. Важным моментом было то, как формировались учебные курсы и учебное содержание. В 1727 году Фридрих I открыл кафедры камеральных наук в прусских университетах в Галле и Франк-

фурте-на-Одере. Далее эта инициатива была повторена и в других германских государствах: в 1730 году кафедра камерализма появилась в Ринтейне, далее – в Лейпциге (1742), Вене (1752), Геттингене (1755), Праге (1763), Фрейбурге, Инсбруке и Клагенфурте (1768) и Ингольштадте (1780). Каждый король стремился к тому, чтобы на его землях обучение камералистике велось не менее чем в одном университете.

В силу отсутствия прямых «практических» указаний в теоретических трудах Аристотеля и богословов разработчики первых учебных курсов по камералистике сконцентрировались на практических проблемах. В этом и заключался новый революционный метод обучения и практической подготовки, изобретенный камералистами. Важнейшей инновацией, созданной камерализмом, оказался метод преподавания и осуществления исследований. Они институционализировали семинарские занятия как дополнение к лекционным. На семинарах студентов вовлекали в дискуссии и совместную исследо-

вательскую — расчетную и аналитическую — работу с профессорами.

В этом году, когда формально отмечается 400-летие учреждения политэкономии, и в свете огромного влияния англосаксонской традиции на процессы самоопределения экономической науки представляется чрезвычайно важным подчеркнуть существенное различие понятий «экономика» — *economy* и *economics* — как экономической науки в английском и «национальная экономика» или «народное хозяйство» (*National-ekonomik*) в немецком. Понятие «хозяйство» как таковое в английском языке отсутствует. Термин «народное хозяйство» (*National-ekonomik*) относится к тому, что существовало в Германии XVII-XVIII веков и наилучшим способом может быть схвачено как *national management*, то есть «национальное управление». Это управление включает мораль, образование, религию, политику, дипломатию, военные вопросы, ведение финансов в гораздо более прямом виде, чем это понимается в рамках «экономических вопросов» в Англии и Америке. В этом смысле до критики экономической политики европейских государств и распространения идеологии Адама Смита в Германии экономической науки в ее «британском» смысле не существовало. Данный факт имеет важное значение для понимания всей траектории дальнейшего развития общественных наук в Германии, где до конца XVIII века те, кто занимался теоретической работой по гражданским проблемам, были «политологами» и политэкономии.

Основные достижения камерализма

Многие современные институциональные характеристики

западноевропейских государств в своей основе сформировались 250–300 лет назад. Для успешного участия в мировом институциональном процессе и современных процессах необходимо понимать, на чем они были построены. Как мы продемонстрировали, именно камерализм как доминировавший в XVII-XVIII веках подход сыграл едва ли не главную роль в институциональном и экономическом развитии континентальной Европы и европейской цивилизации в целом. В европейской истории разработка вопросов о том, какое знание необходимо для совершенного правления (то есть управления, основанного на принципах и нормах права), уходит своими корнями в работы Платона и Аристотеля, кото-

Техника бюджетирования и планирования оказала влияние и на методы работы с неопределенным будущим в деловом секторе. Как известно, в США техника и процедуры бюджетирования были рекомендованы для широкого применения и приобрели популярность в сфере бизнеса в результате усилий легендарного Джеймса Маккинзи (на фото) только в 1922 году.

рые искали структуру знания, необходимого для обеспечения блага жизни древнегреческого полиса. Однако в современной истории публичная политика и администрация — как особый предмет изучения и систематическая практика — начали формироваться под эгидой камерализма начиная с середины XVII века.

Камерализм доминировал в подготовке государственных служащих на протяжении всего периода XVII-XVIII веков. Камералисты контролировали казначейства, или «камеры» (*camerae*), своих правителей, инициировали обучение административным наукам и финансам в университетах и сыграли важнейшую роль в становлении и развитии национальных государств Европы. Камерализм тесно связан

с эволюцией государства того времени и его систем управления. Развитие камерализма вдохновлялось общими идеями рационализма и века Просвещения. Генеральная цель камерализма — холистическое, методологически целостное описание того, что государство и государственное управление фактически делает (должно делать), как и почему. Как общественно-политическая наука камерализм стал первым в современной истории проектом холистического, междисциплинарного подхода к государственному управлению. В силу холистической природы этого подхода камералисты были и экономистами, и политологами, и администраторами, и адвокатами. Камерализм сыграл одну из ключевых системообразую-

щих ролей в европейской истории — прежде всего в том, что заложил ряд основ для образования современной институциональной инфраструктуры капитализации (аккумуляции) знаний.

Складывание и развертывание камерализма в Европе на протяжении XVII-XVIII веков и вплоть до середины XIX века сыграло роль инфраструктурной революции в организации европейских обществ и экономик. Ситуацией камерализма была ситуация активного институционального государственного строительства, а не просто образования научных и академических концепций. Важ-

ных витальных вопросов. В такой ситуации невозможно было использование абстрактной экономической теории,

Печать университета в Галле

трансформировала германские академические занятия в современные профессии. Камерализм заложил основы высокой и общепризнанной эффективности германской системы гражданской службы. С

различными модификациями эта система в целом успешно функционирует и в настоящее время.

Профессия с того времени играет важнейшую роль в регулировании политических экономических процессов и сама является ключевым институтом для поддержания институциональных порядков в обществе. Бог, король, обязанности, мудрость и сознание — в таком порядке располагались руководящие принципы, которым, например, должен был следовать германский юрист или адвокат.

Профессионализация и институционализация экспертизы в Центральной Европе получили в качестве наиболее существенной и влиятельной концепции камералистский интегрированный подход. В отличие от англосаксонской традиции с высокой автономностью профессий, в Центральной Европе государство активно создавало и поддерживало формирование институтов профессии. Функция верификации стандартов и аккредитации практически всех деятельности концентрировалась в государственных органах. Камералисты установили традицию государственного утверждения учебных планов, программ и государственной экзаменации выпускников университетов. Выпускники должны были получать

Одним из наиболее важных достижений камерализма стало создание сети кафедр в университетах, которые осуществляли «камералистские исследования» и обеспечивали специальную профессиональную подготовку государственных служащих.

ной отличительной особенностью камерализма от объективистски ориентированной экономической теории было то, что камералисты стремились отвечать на тот «политический оппортунизм», который присутствовал в контексте институциональной эволюции и государственного строительства в XVII-XVIII веках. Руководящий принцип политики того времени был таков: позвольте каждому государству достигать своих собственных интересов. Но это означало в том числе и возможность агрессии, и необходимость защиты от агрессии, поэтому государства были вынуждены искать средства и пути для решения именно по-

описывающей естественные законы.

Камерализм достаточно резко контрастирует с традицией, которая сформировалась на основе либеральной идеологии и новой политэкономии начиная с конца XVIII века (см. таблицу сравнения камерализма как подхода с либеральным экономизмом).

Была совершена революция в построении и организации управления хозяйством, обретен первый масштабный опыт профессионализации управленческой деятельности в широком смысле слова. Камерализм породил импульс профессионализации гражданских служб. В начале XIX века профессионализация

государственные лицензии на право своей профессиональной деятельности. Камерализм заложил основы и для современной практики политэкономии профессий в континентальной Европе, где получение профессионального статуса зависит от государственной политики. Благодаря этой функции, даруя титулы и право на практику, государство, управляя доступом к позиционной собственности и доходами адвокатов, было источником социального и экономического капитала. Эта роль государства в процессах профессионализации и — соответственно — в политэкономии и разделении труда игнорируется в большинстве англосаксонских теорий профессии. Американские теории профессии используют концепт открытой конкуренции на рынке труда, в которой каждая профессия добывается своего политического и экономического статуса в борьбе с другими.

Камералисты были непосредственно вовлечены в разработку знаний и подготовку программ институционального обустройства и политики хозяйственного развития. Идеал государства всеобщего благосостояния был рожден камерализмом.

Немецкая историческая школа, развертывание которой происходило во многом в оппозиции и в концептуальной борьбе с шотландской либеральной политической экономией, которую немецкие экономисты называли *Smithianismus*, вобрала в себя хозяйственную философию камерализма. Реализм исторической школы был возможен только в условиях развитой инфраструктуры статистики, государственного регулирования и развития профессиональной подготовки, выделения понятий «потребность» и «благо» как важнейших для благочиния и благосутрой-

ства. Обозначение в исторической школе в качестве предметов исследования действительных условий и обстоятельств, в которых «экономический человек» принадлежит определенному народу, государству и периоду истории и осуществляет свою хозяйственную деятельность в рамках сложной системы институтов, также основывалось на предшествующих трудах камералистов.

Традиционные германские политическая философия и политическая экономия и сегодня по-прежнему контрастируют с англосаксонским подходом. Государство в этой — англосаксонской — концепции трактуется не как единство и не как целостность, а лишь вторично — как «агрегат» различных автономных сфер (государства, общества и экономики). Государство никак не идентифицируется как внешнее для его граждан, как стоящее над ними, оно также не ассоциируется с правительством. В камерализме же правительство — это эманация воли принца, правителя, власть и правление которого как инструменты реализации норм права принимаются как дарованные Богом. Для камерализма государство сродни большой семье, целостность и единство которой символизированы личностью правителя. Интересы этой семьи интегрированы таким образом, что невозможно разделить личные интересы правителя и интересы государства. Также сложно было расчленить благосостояние правителя, благосостояние государства, благосостояние народа и отдельных людей — как индивидов, подданных и граждан. Все гражданские и политэкономические вопросы — прежде всего: как может быть достигнуто и упрочено благосостояние этого единого организма, — трактовались камералистами

как взаимосвязанные и внутри этой целостности.

Разработка целей, этики и принципов существования и развития государства как целостности стала основанием для конструктивной работы и институционального строительства. Камерализму как комплексному подходу к организации хозяйства и управления удалось сохраниться практически до конца XIX века — даже на фоне доминирования смитовской экономической философии и идеологии свободного рынка.

Онтологическая революция Нового времени и смена способа объективации знания привели к последствиям, в которых камерализм как холистический, практико-ориентированный подход был отнесен позитивистской, естественнонаучной ориентацией в гуманитарном знании. С конца XVIII века на Западе начен и далее постепенно интенсифицировался переход от камерального к экономическому обществу — сегодня ключевой идеализации, управляющей процессами государственного строительства. Несмотря на то что импульсы институционального строительства, заложенные камерализмом, претерпели существенную эволюцию от центра к периферии мирового институционального процесса, ряд принципиальных характеристик этого подхода сохраняют свою стратегическую и цивилизационную значимость и сегодня. На пути к мировоззренческой, идеологической самостоятельности как исторически ранняя контрконцепция либерализму и фактически политике неолиберальной глобализации камерализм должен быть вовлечен в работу по детальной реконструкции современных кризисных тенденций и стратегий развития суверенного государственного дела.